

жгучих, самых сильных «книг-исповедей», какие мы знали за последние полвека.

Третья часть, названная «Сквозь огонь скорбей», есть, в сущности, сердце книги. И к нему, как ко всякому сердцу, страшно прикоснуться. В ней рассказаны болезнь и смерть С. П. Ремизовой-Довгелло, жизнь А. М. в оккупированном немцами Париже, бомбардировки, бедность и ужас тех лет — и немного в русской литературе таких трагических книг, как эта.

Первые две части, связанные между собой, не связаны с этой третьей. Чего то, как будто, нехватает между детством и юностью Оли и ее последними годами жизни, нехватает *жизни* ее, которую она делила с А. М., но эта жизнь может быть узнана в десятке других его книг, в частности, в «Взвихренной Руси». Поэтому, разрыв частей в последней книге Ремизова есть лишь недостаток *этой* книги — он восполнен был раньше. Читателю нужно сделать маленькое усилие, чтобы найти то, чего нехватает для восстановления целого.

Это целое, с каждой новой книгой Ремизова, делается всё яснее: «мир, как боль» — его тема, о чем бы он ни писал. Мир — как боль сейчас, и мир, как боль — пятьдесят лет тому назад, и мир, как боль — триста лет назад. В этом мире могут быть радости-боли, встречи-боли, но больше всего в нем — страха и жалости. И чем больше Ремизов живет и пишет, тем больше он чувствует эту боль, — он являет собою пример человека, который ни с каким ужасом не примиряется и ни к какому отчаянию привыкнуть не может.

Н. Б.

Д В Е А Н Т О Л О Г И И

1. А. А. БОГОЛЕПОВ. *Русская лирика от Жуковского до Бунина*. Избранные стихотворения. Изд-во имени Чехова. Нью-Йорк, 1952, стр. 409 + V, цена 2.75 долл. Printed by Rausen Bros.
2. ВЛАДИМИР МАРКОВ. *Приглушенные голоса*. Поэзия за железным занавесом. Из-во имени Чехова. Нью-Йорк, 1952, стр. 414 + II, цена 3.00 д.

Первая антология производит странное впечатление. Начнем с подбора авторов. Мы тщетно искали бы Востокова, Гнедича, Катенина, Кюхельбекера, Шевырева, Каролину Павлову, Мея, Хлебникова, Ходасевича, Есенина, Пастернака, Мандельштама, Маяковского, в то время как включены такие небольшие поэты, как Аксаковы, Губер, Н. Добролюбов (критик), Жадовская, Жемчужников, К. Р., Скиталец, Щепкина-Куперник, Любовь Столица, Суриков, А. Федоров и даже... Мунштейн-Лоло, П. Я., Скиталец, Ратгауз, Фруг!

Странный выбор: предпочесть милую, но очень бледную «Додо» — Растопчину или хрестоматийную Жадовскую большому мастеру стиха и настоящему поэту Каролине Павловой; из творцов «русской песни» взять книжного Мерзлякова — и не включить Цыганова... И если уж включен Огарев, Щербина, Туманский или Губер — почему совсем изъят Полежаев? Странное впечатление производит и количество страниц, отведенных тому или иному автору. Если Некрасову уделено 13 стр., то такое же, примерно, количество страниц (12) уделено и Никитину, а бедному Тютчеву пришлось успокоиться на 7 страницах, как и Огареву и Надсону. К. Р. получил 4 страницы, а Вяземский всего две с половиной. Случевский одну. Подбор стихов каждого поэта? Как бы ни был он субъективен, но дать «Безумие горя» Полонского и не включить его — ставших классическими — «Зимнего пути», «Колокольчика», «Дороги» («Глухая степь — дорога далека») — тоже странно. Подбор стихотворений Баратынского (ему дано всего 4-5 страничек), Вяземского, Апполона Григорьева также заставляет предположить, что составитель не очень трудился *выбирать*. А. Григорьев представлен, главным образом, своей «цыганщиной», отнюдь не исчерпывающей его поэтического наследия; на страницах, посвященных Баратынскому нет ни «Недоноска», ни «Предрассудка» («Предрассудок! Он обломок»), ни «Последнего поэта», не говоря о многом другом. Положим, антология не может вместить многого, но зачем тогда ее загружать Скитальцем, Ратгаузом и многими другими. Марина Цветаева получила меньше одной страницы, при чем два ее коротеньких стихотворенья оба 1916 года. А Плещееву дано почти 6 страниц, почти 5 страниц Ивану Аксакову, почти 4 страницы Минскому.

Не удовлетворяет нас и редакция некоторых стихов. Произвольный выбор текста пушкинской «Телеги жизни» (нужно было или *не включать* ее в антологию, или включать в *пушкинской* редакции, а не в редакции «Московского Телеграфа», измененной, очевидно, Вяземским, хотя и с согласия Пушкина). Порядок расположения авторов в антологии — тоже непонятен. Почему, напр., Денис Давыдов и даже Мерзляков помещены после Пушкина и Случевский (1837-1904) после Вл. Соловьева, З. Гиппиус и Фофанова? В целом, антология не кажется нам хорошо составленной.

Название антологии Вл. Маркова — «Приглушенные голоса» — представляется нам неподходящим. Стихи оравшего «во весь голос» Маяковского, ловкача Сельвинского, лауреатов сталинских премий и бывшего председателя Союза Советских Писателей Тихонова вряд ли можно назвать «приглушенными». Правда, стихи, скажем, Тихонова, ранних сборников, и его безнадежные сборники, получившие сталинскую премию — небо и земля. Но название, во всяком случае,

неподходяще. Можно спорить и о составе сборника: не обязательно было включать Илью Сельвинского, можно было меньше места уделить Багрицкому; можно было бы вовсе не помещать переводов, а включить еще двух-трех мало известных читающей публике поэтов. Удивляет некоторая непоследовательность в подборе авторов первого раздела: если уж включены Максимилиан Волошин и Федор Сологуб, то могла бы быть представлена и Марина Цветаева — доэмигрантского периода. Ведь и стихи других авторов даны не последнего периода их творчества, а, как правило, скорее более раннего, часто дореволюционного. Если уж включенным оказался умерший в 1922 году Хлебников, *никак* не относящийся к советскому периоду русской поэзии, то почему не представлены в сборнике Блок и Гумилев, только на несколько месяцев раньше Хлебникова ушедшие из жизни? Но спасибо составителю за то, что он дал некоторое количество стихотворений Мандельштама, Клюева, Павла Васильева и Заболоцкого, книги которых давно исчезли и там, за железным занавесом, и здесь, за рубежом.

Хочется обратить внимание только на несколько ошибок и оплошностей в текстах Мандельштама и Заболоцкого, да заметить — мимоходом, — что Клюева звали Николаем Алексеевичем, а не Александровичем, и что его стихи, печатавшиеся в журналах 20-х и 30-х годов вовсе не были «неуклюжими попытками приспособления», как сказано на стр. 16 вступительной статьи Маркова. Такой попыткой была позорная «Юность», последняя из нам известных опубликованных вещей Клюева («Звезда», 1927, ном. 5), но «Песни на крови» («Русский Современник», 1924, ном. 1), поэма «Деревня» («Звезда», 1927, ном. 1), поэма «Мать-Суббота» (отдельная книжка, 1922), ряд стихотворений этих лет — лучшее из клюевского литературного — известного нам — наследства.

Переходим к оплошностям книги. Стихотворение Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова» (стр. 72 антологии) Вл. Марков произвольно датирует 1916 годом, хотя у Мандельштама («TRISTIA», 1922) оно точно датировано: «25 ноября 1920 года». Но Вл. Марков берет это стихотворение в *искаженной* цензурой — вернее, в *угоду* цензуре — редакции «Стихотворений» Мандельштама 1928 г., в которых, впрочем, тоже *нет* даты «1916», а просто стихотворение это — без даты — помещено между стихами 1916 года. Насколько существенно было бы дать не искаженную цензурой редакцию, явствует наглядно из сопоставления двух редакций, хотя бы и частичного:

TRISTIA, 1922:

«Стихотворения», 1928:

В Петербурге мы сойдемся снова, (приводим только измененные
Словно солнце, мы похоронили строки):

В нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем.
В черном бархате советской ночи, В черном бархате январьской
В бархате всемирной пустоты, ночи,
Всё поют блаженных жен родные
очи,
Всё цветут бессмертные цветы...
...Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное
слово

Я в ночи советской помолюсь. Я в ночи январьской помолюсь.

Непонятно, какие это «часовые» и «пропуски» могли быть на улицах Петербурга до большевиков? Как мог Вл. Марков датировать эти стихи 1916 годом?!

Стихотворение Мандельштама «Кому зима, арак и пунш голубоглазый» взято Вл. Марковым также не из «Второй книги», 1923, а из «Стихотворений», 1928, где цензура изменила в значительной степени самый смысл стихотворения:

«Вторая книга», 1923:

«Стихотворения», 1928:

Пусть заговорщики торопятся Пусть люди темные торопятся
по снегу по снегу

В стихотворении Николая Заболоцкого «Осенние приметы», из «Второй книги», 1937, искажены и «сведены в одну строчку» строки 5-6, второй строфы:

«Приглушенные голоса», стр. 367: «Вторая книга» Заболоцкого:
и солнечная масса и солнечная масса,
туманный шар земли, мерцающая, туманным шаром над землей
кровянит. висит
и край земли, мерцающая, кровянит.

Но — несмотря на все погрешности, и подчас неубедительный подбор авторов и их произведений эта антология кажется нам полезной.
Борис Филиппов